

ЭТО
ПРОСТО
КОСМОС

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

- ИСПОВЕДЬ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА
- СЕРДЦЕ БОГА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Это просто космос / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с. — (Высокие страсти. Романы о космосе Анны и Сергея Литвиновых).

ISBN 978-5-699-95950-1

1957 год. Шестеро студентов — три парня и три девушки — возвращаются с целины. На привокзальной площади далекого алтайского города они слышат из громкоговорителя сообщение о запуске первого советского спутника. Друзья ликуют. Они мечтают о звездах — но пока даже не подозревают, насколько прочно вплетется в их жизнь тема освоения космоса.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95950-1

• ИСПОВЕДЬ ЧЕРНОГО
ЧЕЛОВЕКА

ПРОЛОГ

10 октября 1959 года

Двадцать четыре — прекрасный возраст. Жаль, что понимаешь всю его прелесть совсем не в тот момент, когда самому столько стукнуло. Начинаешь осознавать прекрасную округлость этой даты, когда исполнится тебе вдвое больше. И с каждым новым прожитым годом чувствуешь безвозвратную даль этой цифры все острее.

Так думал, покачиваясь на заднем диване в персональном «ЗИМе», генерал-полковник в отставке Федор Кузьмич Старостин. Генерал военную форму уже пять лет как не носил. Но люди его профессии, как говорится, навсегда остаются в строю. Служат там, куда поставят Родина и партия. Вот и Федору Кузьмичу доверили важный участок: направили освобожденным секретарем парткома на один из самых крупных в Москве секретных заводов. Должность, конечно, выборная — но люди-то голосуют, за кого скажут, и безо всяких альтернатив. Вот он уже целую пятилетку там лямку тянет.

Самому генералу стукнуло пятьдесят пять. Воевал, награжден орденами. При штабе не отсиживался, дважды был ранен. И Родина щедро вознаградила его доблесть и усердие.

Дом, который ведет супруга, Ариадна Степановна (сидящая в настоящий момент рядом на диване «ЗИМа»), — полная чаша. Квартира пятикомнатная на новой, после-

военной московской парадной магистрали — Кутузовском проспекте. Дача государственная по тому же направлению, в Барвихе. «ЗИМ» персональный, с шофером Костиком, который всегда готов услужить и генералу, и генеральше. Все у Федора Кузьмича есть, даже коллекционный германский фарфор. Жаль только, что дочка всего одна, Валерия, и более детишек нет и уже не предвидится. Остается только внуков ждать.

Именно дочь, Валерия, и отмечала сегодня день рождения — упомянутое двадцатичетырехлетие. Чтобы молодые смогли как следует погулять, генерал с супругой и освободили территорию. Пусть молодое поколение порезвится. Федор Кузьмич вместе с Ариадной Степановной отправились на дачу. Домработница Варвара испекла пироги, приготовила свой фирменный холодец и не менее известный в узких кругах винегрет и осталась на подхвате: сервировать и подавать.

Лерочку, дочь свою единственную, генерал любил и баловал. Растил, учил, холил и нежил. Слава богу, удачно (он считал) выдал замуж. Лера ведь, кровиночка, надо признаться, не красавица. Совсем не красавица. Сама выскокая, крупная, с большими руками и стопами. Широкая кость, широкий шаг. И специальность выбрала далеко не женскую. Захотела, как тысячи ровесников в пятьдесят третьем, стать инженером. Выдержала серьезный конкурс, поступила в авиационный на самолетостроительный факультет. С другой стороны, оказалось стратегически правильно, что учиться она отправилась в технический вуз. У них на курсе среди девчонок не оказалось практически никакой конкуренции: три девицы на сотню мальчишек. И в итоге вышло, что Валерия подходящего парня, однокурсника, самолетчика, в мужья себе зацепила. Нормальный парень — сколько бы там теща новоявленная, Ариадна Степановна, на зятя ни тянула.

Да, к зятю Вилену можно много рекламаций предъявить. Во-первых, совсем не красавец. И, что настораживало, не москвич. Однако Федор Кузьмич с помощью товарищей из органов его прокачал. Все оказалось у Вилена чисто. И с ним самим, и с родичами его: никто не был, не состоял, не участвовал, не привлекался.

Плюс к тому в процессе знакомства не одну и не две бутылки коньяка армянского генерал с ним в домашнем кабинете распил. Попутно прошупал Вилена вплоть до подноготной и теперь знал точно: зять его товарищ умный, пробивной и практичный. Может, правда, любви у него безумной к Валерии нет. Зато он испытывает к ней другое, более важное на данном этапе чувство: уважение. Он даже по отношению к матери ее, теще своей, определенное почтение питает. Потому не обращает внимания на шпильки со стороны Ариадны Степановны. И к самому генералу относится с должным пиететом.

Федор Кузьмич уверен: зять семью, включая тестя и тещу, не предаст, не продаст. Вдобавок мальчик он смысленный. Образованный, опять же. У такого типа карьера сама пойдет, покатится. Его только в начале надо подтолкнуть слегка. А это генерал уже сделал и еще сделает, если понадобится, за ним не заржавеет. По всем статьям дочка за зятем новоявленным — как за каменной стеной. В обиду он ее не даст.

Быстро доехали до дачи. Шофер Костик помог перенести в дом вещи и провизию. Генерал отпустил его до вечера воскресенья.

Супруга, Ариадна Степановна, немедленно улеглась на тахту со свежими номерами «Юности» и «Нового мира» — отдыхала. А для генерала лучший отдых заключался, как говаривал Ленин Владимир Ильич, в перемене работы. Он взял грабли да стал сгребать осенние листья. Листьев навалило много, осень стояла поздняя, а участок у Старостинных был дай бог, сорок соток. Получившиеся кучки Федор

Кузьмич стал свозить на тачке к старой бочке, сваливал их туда, жег. Запах прелых горящих листьев создавал настроение одновременно романтическое, радостное и грустное. Грустное оттого, что вот и еще одно лето прошло, и зима катит в глаза, и, кто его знает, сколько их еще, этих лет, у генерала осталось? А радость была потому, что запах жженных листьев предвещал все ж таки новое: смену сезона, и снег, и Новый год — а с ним, новым снегом, и новые свершения, открытия и, кто знает, быть может, любви.

Так генерал трудился до темноты, а потом супруга позвала его ужинать. Почаевничали, а затем Федор Кузьмич включил висевший на ели мощный прожектор и продолжил свое дело: возился с палой и прелой листвой. Костер чах, дымил, а иногда вдруг выстреливал столбом искр и пламени.

И только уже ближе к одиннадцати, иззябнув, надышавшись кислорода и наработавшись, генерал вернулся в дом. Ариадна прикорнула на тахте, не выключив свет и не раздевшись. Очки ее мирно лежали на полу поверх раскрытых на середине журналов.

И тут раздалась трель телефонного звонка — Федор Кузьмич уже давно достиг того уровня, когда телефон ему полагался не только домашний, но и дачный. Правда, не «кремлевка», но все-таки связь на экстренный случай. Быстро, чтоб трезвон не разбудил супругу, генерал подошел к телефонному столику и взял черную эбонитовую трубку.

— Старостин у телефона, — представился он. Генерал был практически на все сто убежден, что звонят ему по работе. «Не дай бог, какое-то ЧП в ящике моем случилось», — мелькнула в первый момент мысль.

Однако, оказалось, звонила дочка.

И ЧП, как выяснилось, произошло у нее.

— Папа, папочка, — проговорила она сквозь слезы. — Приезжай скорее! Пожалуйста! Тут человека убили!!!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*За два года до описанных событий.
Октябрь 1957 года*

Галя Бодрова

Судьба, говорят, может прийти к тебе в любой момент, и к ее визиту надо быть всегда готовой. Но кто бы знал, что к ним обеим Фортуна явится в один день, одновременно! Но девушки, и Галя, и Жанна, столь фатально будут к ней неподготовлены!

Во-первых, и в-главных, конечно, — внешний вид. За два месяца на целине обе пришли в полнейший упадок. Ни стрижки, ни, разумеется, укладки. Ни маникюра. Загрубевшие, словно у колхозниц, руки, ногти обломаны. На голове не волосы, а, простите за выражение, патлы. Загорелые и обветренные физиономии. И одежда, прямо скажем, подкачала: на обеих — бесформенные шаровары, фланелевые ковбойки, а на ногах — тапочки. Впрочем, остальные девчонки в отряде выглядели ни капли не лучше. Поэтому с равной вероятностью судьба могла постучаться к кому угодно. Она и колотилась ко многим — в лице мальчишек из авиационного, которые тоже разъезжались с целины по домам. Одно утешение: парни — по крайней мере, по прическам, манерам и одежкам — тоже на роль принцев на белых конях не сильно тянули.

Владик Иноземцев

Лето прошло, и Владик был счастлив. Кончилась целина, и больше не надо в пыли, изо дня в день, с утра до ночи, грузить лопатой на току пшеницу. Это было тяжело. Ведь он

не Радька и не Слон. Он к физическому труду непривычен. Он, не будем кривить душой, — мальчик из интеллигентной семьи. Не то что, к примеру, Радька — выходец из колхоза. Или Слон, что родом из военного гарнизона. Но Владислав тем не менее все выдержал. Превозмог. И работал не хуже других. И никто не смог (и уже не сможет!) сказать, что он, дескать, сачок, — ни командиры, ни товарищи. Никто и не говорил. Еще и поэтому был счастлив Иноземцев: он прошел испытание, перетерпел, вынес. И вот теперь возвращался в Москву — как герой труда, комсомолец, покоритель целины.

И поэтому тоже ликовала душа: скоро, совсем скоро — всего несколько суток пути, и они окажутся в столице. А там их ждут институт, к которому Владька уже привязался, и театры, и множество кинозалов, и асфальтированные проспекты, и многоэтажные здания. И метро с его лестницами-чудесницами, которые до сих пор радовали и удивляли. А еще в столице будет учеба, по которой он, честно говоря, соскучился, и библиотека с ее множеством книг, по которым истосковался. Наверное, ведь и новинки за лето вышли.

На станцию в Бийск их подвезли в бортовых самосвалах. Ехали в кузовах, сидели на скамейках, рюкзаки и фанерные чемоданы под ногами.

После степи, селений, избушек и барака, которые стали привычными для них за два месяца, даже Бийск произвел, с отвычки от городской жизни, ошеломительное впечатление. Автомобили! Асфальт! Несколько многоэтажных домов! А ведь это всего лишь районный центр. Уездный (как писали дореволюционные авторы) городок. Какой же прекрасной, верно, Владу покажется — когда они, наконец, вернуться — сама Белокаменная!

Авиационщики выгрузились. Поскидывали из самосвалов свои заплечные мешки и фанерные чемоданы. Тепло попрощались с шоферами.

Конечно, отцы-командиры не замедлили скомандовать построение.

В советские времена молодых *строили* — в самом прямом, непосредственном значении слова — гораздо чаще, чем сейчас. Можно сказать, по каждому удобному поводу. И далеко не только военнослужащих. Их, студентов, тоже расставляли по ранжиру нередко. Вроде как подбавляли им дисциплинки, которую они недополучили, смотавшись от военных тягот в институт. Во время пребывания на целине их строили по утрам и вечерам — это само собой. Но! В жизни к тому же существовала военная кафедра. И только что, к фестивалю, созданный комсомольский оперотряд. И даже когда они в хоре пели — а они почти все пели, — их там тоже строили, хоть и не по росту, а по голосам.

Владик со Слоном и Радькой, втроем, и в шеренге ухитрились стоять рядом. Так же, как на семинарах и лабораторных сидели. Да и жили в одной комнате. С первого курса. И хоть переругивались порой, но не рассорились, не разбежались.

Возможно, потому, что были они друг на друга совсем не похожими — причем своими характерами взаимно дополняли друг друга. Владислав, по общему мнению, из троих являлся самым умным. Однако свое собственное лидерство по данной линии он самокритично оспаривал. Говорил, что он — просто «начитанный». Да и каким ему быть, объяснял Владик, если его мама в библиотеке работала? Он и читать научился сам, в четыре года, еще до войны, и потом книжки глотал практически без перерыва, запойным образом. Из общей эрудиции и любви к чтению следовали учебные достижения: все сессии в МАИ сдавал на «хорошо» и «отлично» и на красный диплом шел.

Радик тоже учился неплохо, по отметкам лишь чуть хуже, чем Владислав. Однако успехи его управлялись

несколько иными пружинами. Радька был, по всеобщему убеждению, дьявольски сообразительным. Ему достаточно было один раз прочесть конспект или выслушать объяснение преподавателя или товарища, чтобы понять, как решается та или иная задача (по физике или сопромату), как устроен тот или иной прибор и действием какого закона объясняется то или иное явление природы. «Хватает на лету», — говорили о нем и сокурсники, и соратники по кружку, и те преподаватели, что ему симпатизировали.

Наконец, третий герой, Вилен Кудимов, по кличке Слон, брал не начитанностью и не сообразительностью. Ни того, ни другого качества в числе его достоинств просто не имелось. Он, возможно, и завидовал в указанном компоненте своим более одаренным друзьям, однако никогда о том не распространялся. И чтобы успевать в учебе — а он успевал! — использовал иные методы. Например, усидчивость. Вилен старался ходить на все лекции, садился всегда на первую парту и тщательно конспектировал предмет. На курсе сразу сложилась постоянная когорта людей, которым сокурсники не завидовали, однако уважали: те, кто не прогуливал лекций и чуть не демонстративно садился в первые ряды. К их числу относились, во-первых, шестеро китайских товарищей: те держались особняком и были совершенно неотличимы внешне, в своих одинаковых синих «маоцзедуновках». Все лекции парни из братской страны тщательно записывали, но горе тому, кто возьмет у них для подготовки конспект: настоящая китайская грамота, ни черта не понятно! К посланцам братской страны примыкали трое-четверо девиц, очкастых и некрасивых, а также двое-трое зубрил-москвичей, тоже очкастых и прыщавых. И с ними — почти всегда за первые столы усаживался Вилен Кудимов, он же Слон.

Когда Слон не понимал, к примеру, метод решения задачи, готов был раз за разом слушать объяснения, причем

не гнушался приставать с расспросами ко всем: преподавателям, соседям по комнате (Радьке и Владику), однокурсникам. Готовиться к экзаменам также предпочитал Вилен в компании — тем паче, у него всегда имелись собственные конспекты, поэтому друзья охотно шли с ним на сотрудничество. А Владик с Радькой на нем свое умение объяснять оттачивали, терпеливо растолковывали ему неясности.

Кроме того, Слон (вслед за товарищами будем называть его именно так) обладал качествами, которые ни в коей мере не были присущи ни Владьке, ни Радику. Он, что называется, умел жить. И умел устраиваться. Мы уже упоминали, что студент Кудимов старался посещать все лекции (о семинарах и «лабах», то есть лабораторных работах, и говорить нечего!). Притом он стремился, чтобы профессор его заметил: садился на первую парту, охотно откликался на шутки, подавал, когда требовалось, реплики. После занятия часто задерживался и задавал вопросы. Немногочисленным, но все ж таки имевшимся в институте женщинам-лекторам (в основном с кафедр марксизма-ленинизма и иностранных языков) старался делать при случае комплименты. Если занятие вдруг выпадало на Восьмое марта — единолично притаскивал лекторше веточку мимозы. Он никогда, впрочем, не пересаливал и не бывал излишне подобострастным. Усердие Слона, вкупе с его усидчивостью, всякий раз вознаграждалось. Хоть трудно ему было (особенно на начальных курсах), но на стипендию Вилен сессии свои сдавал.

Его житейская цепкость и приспособленность помогали Слону не только в делах учебных. Комнату, где они проживали с Радиком и Владиславом с первого курса, в конце концов, тоже он нашел. (Авиационный институт далеко не всех своих студюозусов обеспечивал общежитием.) Слон, как только поступил, пробежался по дипломникам и прочим старшим товарищам, не погнушался порасспра-